

Сергѣй Копыткинъ.

**СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ**

Сергѣй Копыткинъ.

СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11.

1909.

ЛѢСНЫЯ СЛЕЗЫ.

Склонялись зеленяя ели
Надъ тихимъ усталымъ ручьемъ,
И струи рѣчныя имъ пѣли
О странствіи длинномъ своемъ:
„Сбываются давнія грезы!
Тоска умираетъ вдали!
Мы—слезы, мы—горькія слезы,
И къ вамъ за покоемъ пришли!
Мы—города шумнаго дѣти,—
Тамъ—блескъ, и богатство, и знанъ,
Тамъ все, чего ищутъ на свѣтѣ,
И что такъ легко потерять.
Мы—слезы о горѣ незримомъ,
О счастьѣ, погибшей любви,
О краѣ далекомъ родимомъ...
Мы къ вамъ за покоемъ пришли.—
Укройте насъ, тихія ели;
Мы въ вашихъ объятяхъ уснемъ“...
И ласково вѣтви шумѣли
Надъ грустнымъ усталымъ ручьемъ.

Іюнь, 1906 г.

* * *

День гаснетъ... алыми вечерними лучами
 Старинный городъ озарень.
И смотритъ прошлое глубокими очами
 Изъ безднъ ушедшихъ въ даль времянь.
Сверкаютъ куполы роскошнаго собора
 Межь древнихъ рыцарскихъ церквей...
Заря горитъ... заря померкнетъ скоро...
Но тамъ, въ разливѣ воднаго простора,
 Зажглась семья другихъ огней...
Тамъ на снастяхъ торжественныхъ судовъ
Зажглись гирлянды пестрыхъ огоньковъ,
 Въ водѣ спокойной отражаясь...
Толпа нарядная снуетъ на берегу,
Весь берегъ въ зелени душистой, весь въ цвѣту.
Сквозь вѣтви пышныя дворецъ Екатерины
 И домикъ маленькій Петра
Глядятъ задумчиво на водныя равнины,
 Гдѣ флотъ колышется съ утра...
И вѣрится, что будущее наше,
 Могущество Россіи дорогой—
Еще прекраснѣй, выше, краше,
 Чѣмъ этотъ вечеръ золотой.

Іюнь, 1908 г.

СОНЪ ВЪ БѢЛУЮ НОЧЬ.

Въ домѣ спать, но мнѣ не спится...
Я пойду въ мой старый садъ,
Отъ тревоги дня забыться
Хоть на часъ одинъ я радъ.
Садъ весь въ нѣгѣ и въ цвѣтахъ,
Весь въ сиреневыхъ кустахъ...
Въ листьяхъ брезжутъ чьи-то очи,
Чей-то бродитъ яркій взоръ...
Подъ прозрачной дымкой ночи
Слышенъ чуткій разговоръ.
Зашептались торопливо
Листья... вздрогнули слегка
На душистомъ, шаловливомъ
Дуновеньи вѣтерка.
Чудный шумъ прошелъ по саду.
Въ блѣдномъ сумракѣ ночномъ
Затеплилъ свою лампаду
Чуть замѣтный карликъ-гномъ...
А среди цвѣтовъ волненье —
Точно всѣ кого-то ждуть...
Снова вѣтра дуновенье, —
Пискнулъ гномъ: „идуть... идутъ!“
И цвѣты преобразились...
Съ каждой чашечки цвѣтка
Вдругъ малютки появились,
Каждый ростомъ съ полвершка,

Каждый плащъ такого цвѣта,
Какъ цвѣтокъ его, надѣль...
Каюсь, дерзкій взоръ поэта
Всѣ ихъ тайны подглядѣль.
А потомъ малютки-феи
Крошки—факелы зажгли
И по липовой аллеѣ,
Какъ монахини, пошли.
Тамъ Весна, подруга Мая,
Королева всѣхъ цвѣтовъ,
Ихъ ждала, благословляя
Рѣчью чудныхъ добрыхъ словъ.
А надъ трономъ королевы,
Заглушая рѣчь ея
Лились звонкіе напѣвы
Трубадура-соловья... .
У Весны такія очи,
Что имъ равныхъ въ мірѣ нѣтъ,—
Счастливъ тотъ, кто въ эти ночи
Тѣхъ очей поймалъ привѣтъ!..
Вмѣстѣ съ ней—сестра родная,
По прозванію Любовь,
Что подъ шумный говоръ Мая
Зажигаетъ нашу кровь.
А кого она коснется —
Тотъ не спитъ, ни ѣстъ, ни пьетъ,
То заплачетъ, то смѣется,
То безъ умолку поетъ...

Іюнь, 1908 г.

БОЯРЫШНЯ.

(Монастырская легенда).

I.

Въ глубокой и тѣсной лощинѣ,
Прижавшись къ зеленымъ горамъ,
Стоять вѣковыя святыни
И вновь воздвигнутый храмъ.

Съ дружиной, закованной въ латы,
Съ семействомъ наряднымъ своимъ,
Пріѣхалъ бояринъ богатый
Мощамъ поклониться святымъ.

Покоются древнія мощи
Въ пещерахъ въ высокой горѣ,
Надъ ними дубовыя рощи
Шумятъ на вечерней зарѣ.

Бояринъ и щедръ, и разуменъ,
И набоженъ въ вѣрѣ своей.
Онъ здѣсь не впервые,—игуменъ
Встрѣчаетъ почетныхъ гостей.

И вотъ послѣ всенощной длинной
Идутъ они въ келью къ нему,
Съ молитвой за трапезу чинно
Садятся къ рѣзному столу.

Съ бояриномъ—дочь молодая,
Красотка семнадцати лѣтъ;
Утѣха его золотая;
Любимѣе дочери—нѣтъ!

Стройна и тонка, какъ береза;
Синѣ сапфировъ—глаза
А губы, что вешняя роза,
И русая въ лентахъ коса!

Вотъ собрана утварь съ обѣда,
Оставленъ лишь ягодный квасъ;
Идетъ круговая бесѣда;
Вечерній спускается часъ.

Боярышня съ тайной отрадой
Глядитъ въ расписное окно
На зелень душистаго сада,
На пышныя вѣтви его...

И встрѣтилась взглядомъ съ очами,
Смотрѣвшими прямо въ упоръ,
И точно жестокое пламя,
Обжегъ ее черный тотъ взоръ.

И, полная смутнаго страха,
Она разглядѣла во мглѣ
Въ саду молодого монаха
Въ высококомъ его клубкѣ.

II.

Темно такъ, такъ тихо, такъ чудно
Въ густомъ монастырскомъ саду,
Въ дубравѣ его изумрудной.
Черемуха нынче—въ цвѣту!

И воздухъ, дождемъ окропленный,
Прозрачный, какъ сонъ, какъ мечта,
Дыханьемъ цвѣтовъ напоенный,
Цѣлуетъ и жжетъ, какъ уста...

И всюду, куда ты ни взглянешь—
Цвѣты и цвѣты, и цвѣты!
Ходи до зари—не устанешь—
Все шепчуть и гонять мечты...

А гдѣ-то, въ далекой аллеѣ,
Въ зеленыхъ объятыхъ вѣтвей
Поетъ, заливаясь и млѣя,
Влюбленный въ весну соловей.

Ты все увидала, узнала,
Душистая майская ночь:
Какъ тихо сюда прибѣгала
Красотка боярская дочь;

Какъ къ ней затуманенный страстью
Спускался монахъ молодой,

Какъ образъ безумнаго счастья
Скользиль надъ влюбленной четой.

Какъ были сильны ихъ объятья,
Какъ ласки ихъ усть горячи...
Ты видѣла все безъ изъятья,
Смотри же, не выдай! молчи!

И прелесть условленной встрѣчи,
И робкія сердца мечты,
И слезы, и быстрыя рѣчи
Все слышала, слышала ты!

III.

Въ глубокой и черной пещерѣ,
Гдѣ, прячась отъ шума земли,
Спасалися старцы по вѣрѣ
И сами себя погребли...

На выступѣ въ лужѣ кровавой,
Къ стѣнѣ прислоненный сѣдой,
Въ разодранной рясѣ, безглавый
Былъ найденъ монахъ молодой.

Въ ту ночь надъ землей проходила,
Гремя и бушуя, гроза,
И молнія вкось бороздила,
Какъ огненный змѣй, небеса.

И глухо, и мрачно шумѣли
Всю ночь, и потомъ на зарѣ,
Высокіе дубы и ели
На старой священной горѣ,

А утромъ бояринъ суровый
Уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь,
Съ женою своею чернобровой...
А дочь его послѣ нашлась.

Ея бездыханное тѣло
На берегъ волна принесла,
— Боярышня жить не хотѣла
И къ милому другу ушла.

IV.

Съ тѣхъ поръ—повторяютъ въ народѣ,
Повѣрье донынѣ живетъ —
Лишь май ароматный подходитъ,
Лишь только сирень зацвѣтетъ,

Лишь только весна обозначить
Въ поляхъ свой узоръ расписной,
Боярышня ходитъ и плачетъ
Въ саду полунощной порой.

И къ ней изъ пещеры подгорной
Выходитъ монахъ въ полумглѣ —

Онъ въ рясѣ разодранной черной,
И кровь у него на челѣ.

И оба садятся безмолвно
На дернъ позабытой скамьи,
И слышится шопотъ любовный,
И жгучія ласки любви.

Апрѣль, 1905 г.

П Ъ С Н Я.

Надъ длинной стеклянной верандой
Мерцають дрожа фонари,
Причудливо пестрой гирляндой,
Встрѣчаясь съ улыбкой зари...
И въ чудныя эти мгновенья
Предутреннихъ розовыхъ грезъ,
Въ отравленный садъ, какъ видѣнье,
Вошелъ незамѣтно Христось.
На оргію зла и дурмана,
На празднество дикихъ страстей
Пришелъ Онъ, убогій, незванный,
Бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ людей.
А вокругъ Его громко смѣялись,
Кричали и пили вино;
Всѣ богу грѣха поклонялись,
И всѣ позабыли Его.
Но какъ ни горѣли прекрасно

Вокругъ на верандахъ огни —
Той ночи духовной, ужасной
Они освѣтить не могли.
Христось въ этомъ сонмищѣ встрѣтилъ
Когда-то любимыхъ дѣтей,
Но въ падшихъ сердцахъ не замѣтилъ
Онъ чистой лампы своей.
И съ грустію дивныя очи
Отвель Онъ отъ этой толпы
Въ пространство серебряной ночи,
Въ небесное царство мечты.
Взглянулъ онъ съ тоскою безбрежной
Туда—на свои небеса,
Въ очахъ Его звѣздочкой нѣжной
Сверкнула святая слеза.
И вдругъ, въ это время съ эстрады,
Какъ отзвукъ на тайный призывъ,
Пролился въ безмолвіе сада
Печальный и кроткій мотивъ.
Притихли всѣ шутки, всѣ споры,
Какъ-будто всѣ страсти ушли,
А слезы туманили взоры
И горло сжимали и жгли...
И даже никто не замѣтилъ
Того, Кто ту пѣсню внушилъ.
Изъ сада—прозраченъ и свѣтелъ—
Онъ въ алую даль уходилъ.

Іюнь, 1906 г.

СУМЕРКИ.

Темнѣть. Надъ желтымъ обрывомъ
Забрезжили въ дачахъ огни.
О чемъ-то уютномъ, счастливомъ
Напомнили сердцу они.
На смѣну вечернему свѣту
Звѣзда золотая зажглась.
За рошей пустили ракету.
Шипя, она въ небо взвилась.
Разсыпалась... блещеть... Взгляните.
Огни въ голубой полумглѣ,
Какъ длинныя яркія нити,
Спускаются тихо къ землѣ.
А тамъ, гдѣ толпу косогоровъ
Рѣка обогнула тайкомъ,
Блестятъ огоньки семафоровъ
Надъ темнымъ желѣзнымъ мостомъ.
И поѣздъ проносится быстрый,
Гремя, надъ уснувшей водой,
Раскинувъ несмѣтныя искры,
Какъ длинный вуаль золотой.
И къ Божьей красѣ равнодушный,
Онъ мчится со свистомъ во тьмѣ
Къ столицѣ и пыльной и душной,
Къ людской добровольной тюрьмѣ.

СЕРЕБРЯНАЯ НОЧЬ.

Трепещутъ гаснуція свѣчи...
Стучится зимній дождь въ окно;
И Время шепчетъ злыя рѣчи,
Кружя свое веретено.

* *
* *

И вокругъ такъ жутко, пусто, скудно...
Постылый сѣрый обиходъ!
Впередъ, мечта, мой спутникъ чудный,
Впередъ, мой старый скороходъ!

* *
* *

Мечта спѣшить, мечта уносить
Отъ этой пошлой жизни прочь,
Туда, куда такъ сердце просить.
Въ ту ночь, въ серебряную ночь.

* *
* *

Въ тотъ край волшебной зимней сказки,
Гдѣ были мы съ тобой вдвоемъ,
Гдѣ мнѣ твои свѣтили глазки
Огнемъ любимой теплой ласки...
И въ сердцѣ ты была моею.

* *
* *

Гдѣ міръ сомнѣній, лжи ненужной,
Безумныхъ думъ, бесплодныхъ словъ
Растаялъ вмигъ, какъ сонъ недужный,
Какъ дымъ нависшихъ облаковъ.

* * *

Гдѣ лунный свѣтъ въ лѣсу подъ аркой
Чертилъ причудливый узоръ.
А дальше шель, какъ солнце яркій
Какъ смерть таинственный просторъ.

АРГОНАВТЫ.

Корабль нашъ — Россія родная.
Съ народомъ на томъ кораблѣ
Мы плыли, дороги не зная,
По бурному морю во мглѣ.

И долгіе — долгіе годы
Искали съ глубокой тоской
Таинственный островъ свободы,
Затерянный въ безднѣ морской.

У насъ и вражда, и раздоры;
Иные вернуться хотять,

Другіе настойчиво взоры
Въ туманныя дали стремятъ.

И въ яростный часъ непогоды,
Средь бури, тумановъ и тьмы,
Таинственный островъ свободы
Нежданно увидѣли мы.

Въ насъ духъ встрепенулся усталый.
Мы бросились страстно впередъ...
Но, чу! здѣсь подводныя скалы,
Гдѣ смерть притаилась и ждетъ.

Опасны прибрежныя воды...
Храните священную цѣль!
Не то у подножья свободы
Мы сядемъ позорно на мель.

1905 г.

* * *

На сельскомъ кладбищѣ бродилъ я въ часъ заката
Съ мечтою, спутницей весеннею моею.
И вечеръ розовый былъ полонъ аромата
Зеленыхъ молодыхъ вѣтвей.
Я шель, безмолвною молитвой осѣняя
Питомцевъ каждаго надгробнаго креста.
Здѣсь бѣдность сельская покоится родная,
Весь вѣкъ прожившая подъ тягостью труда.
И думалъ я, что въ наши дни мученій
На землю брошены живыя сѣмена
Для юныхъ будущихъ народныхъ поколѣній,—
Они счастливыя увидятъ времена.
И будетъ тихъ почившихъ сонъ могильный,
Средь бодрой радости счастливыхъ ихъ дѣтей,
Подъ кровомъ родины, богатой и обильной
Зерномъ взлелѣянныхъ полей.

Апрѣль, 1906 г.

НА УЛИЦЪ.

Трепещеть въ отблескахъ заката
Рѣка столичной суеты,
И тутъ же нищіе ребята
Живые продають цвѣты.

И гроздя розовой сирени,
И ландышъ, робкій другъ весны,
Дрожать отъ шума и движенья,
Столичнымъ блескомъ смущены.

Но все-жъ они—милѣй и краше
Въ святой невинности своей
Всѣхъ гордыхъ чаръ столицы нашей
И чище всѣхъ ея затѣй!

Весь этотъ блескъ, вся роскошь эта—
Одна пустая мишура,
Причудъ искусственного свѣта
Неплодотворная игра.

А жизнь такъ странно управляетъ,
Что въ пышномъ вихрѣ суеты
Босая бѣдность предлагаетъ
Живые, чистые цвѣты.

1908 г.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Вмѣстѣ съ Маемоу веселымъ къ намъ въ гости пришла
Молчаливая бѣлая ночь,
И тревогу съ собою она принесла,—
Вновь до утра уснуть мнѣ не въ мочь...
Я гляжу, какъ шевелятся тѣни въ саду,
Гдѣ черемуха юная нынче въ цвѣту
И струитъ молодой аромать...
Я гляжу, какъ причудливо въ свѣтломъ пруду
Отражается вешній закатъ...
Я внемлю перелетнымъ словамъ вѣтерка,
И на сердцѣ знакомая плачетъ тоска,
Просыпаются старья грезы...
Бѣлой ночи любовь, какъ рѣка, глубока,
Въ ней блаженство, и нѣга, и слезы...
Въ ней—молитвы и тайны... Въ ней шопоть чудесь
Отпускается на землю съ тихихъ небесъ,
Все окутавъ таинственной дымкой...
И, туманный восторгъ пробуждая въ крови,
Молодая весна, королева любви,
Облетаетъ цвѣты невидимкой.

Май, 1908 г.

ДВА УТРА.

I.

И тишь, и сонъ, и утра свѣтъ,
И солнца радостный привѣтъ,
И шопоть медленной волны,
И отлетающіе сны...
Все ближе утро, все свѣтлѣй
Въ тѣни задумчивыхъ аллей!
И въ этой утренней тиши,
На струнахъ страждущей души
Любовь доигрываетъ свой
Аккордъ послѣдній, золотой,
И переходятъ звуки тѣ
Въ молитву высшей красотѣ,
Въ молитву чистую Тому,
Кто создалъ міръ и красоту,
Кто создалъ небо, создалъ страсть,
И утра свѣтъ, и ночи власть...

II.

И тишь, и сонъ и утра свѣтъ!
Больной, чахоточный разсвѣтъ
Какъ-будто самъ на что-то золь.
Игорный залъ... картежный столъ;
Отрывки страстныхъ рѣзкихъ словъ;
Больныя лица игроковъ...

И деньги блещутъ на столѣ...
А тамъ внизу, въ холодной мглѣ,
По соннымъ улицамъ идутъ
На ранній день, на ранній трудъ,
Чтобъ дня тяжелою цѣной
Купить частицу силы той,
Той силы страшной на землѣ,
Что праздно блещетъ на столѣ.

Июль, 1905 г.

* * *

Смеркалось... Въ рыбацьемъ большомъ челнокѣ
Я плылъ по спокойной широкой рѣкѣ.
Въ водѣ отражался пунцовый закатъ.
Темнѣлъ на востокѣ холмовъ перекасть.
И тихо спускался съ крутыхъ береговъ
Щекочущій запахъ весеннихъ луговъ.
Въ прибрежной усадьбѣ сирени цвѣли.
Запѣлъ соловей мимолетный вдали...
И сердце откликнулось тотчасъ ему,
Старинному другу—пѣвцу своему.

Июль, 1906 г.

ЛѢТНІЙ ПОЛДЕНЬ.

Подъ кровъ зеленый, ароматный
Я легъ на свѣжую траву.
Внимаю листьевъ шумъ невнятный,
Гляжу на неба синеву.
Слѣжу, какъ солнечные блики
Скользятъ и прыгаютъ въ саду.
Передо мной шиповникъ дикій
И вишня стройная—въ цвѣту.
На голубые васильки,
На голубыя незабудки
Садятся крошки-мотыльки,
Золотокрылые малютки,
Въ ушко нашептывая шутки.
Трепещетъ тополь молодой.
Тамъ вьется жаворонокъ въ полѣ,
И пѣснь его звенить на волѣ,
Какъ колокольчикъ золотой.
Здѣсь связь съ природою такъ ясно,
Такъ сильно чувствуетъ душа
И вѣрить ей, что жизнь прекрасна,
Что жизнь волшебна хороша.

Юль, 1906 г.

* * *

Съ высокихъ, рощею обвитыхъ береговъ
Гляжу я радостно на утреннее море.
Ловлю шумъ его, святую пѣснь безъ словъ,
Плывущую въ лазуревомъ просторѣ.
Онъ вытканъ золотомъ весь, осени нарядъ,
Алѣетъ старыхъ кленовъ тѣсный рядъ.
И гроздья спѣлыя поникнувшей рябины,
Какъ драгоценныя рубины,
На ясномъ солнышкѣ горять.
Мнѣ душу радуетъ спокойствіе природы,
Ея предсмертная святая красота.
Чуть слышно шепчутся лазуревыя воды,
И даль небесная прозрачна и чиста.
Такъ старый паркъ хорошъ! Такое обаянье
Въ роскошной пестротѣ торжественныхъ аллей!
И грѣетъ душу мнѣ осеннее сіянье,
И въ памяти становится свѣтлѣй.

Май, 1906 г.

ЛИСТОПАДЪ.

Я въ рощу тихую пришелъ къ ней на свиданье,
Къ безмолвной мраморной красавицѣ моей,
Пришелъ повѣдать ей души моей страданье,
Пришелъ на исповѣдь къ богинѣ лучшихъ дней.
Такъ нынче паркъ хорошъ въ осенній день
хрустальный.

Горить какъ золото сентябрьскій листопадъ.
Въ торжественной тиши какъ арфы звонъ печальный
Лепечеть маленькій прозрачный водопадъ.
Я статуѣ моей пришелъ шепнуть признание,
Что къ ней вернулся я, безумный ренегатъ.
Мірскихъ затѣй пустое обаянье
Сошло съ души моей, какъ быстрый листопадъ.
Я съ ней разстался здѣсь, съ житейскою тоской,
Съ тревогой пошлости печальной.
И вновь въ душѣ моей торжественный покой,
Торжественный какъ этотъ день хрустальный.

Октябрь, 1907 г.

ВЕСНА.

Улыбки, говоръ, смѣхъ, движенье...
Чаруетъ неба синева.
Сегодня празднуетъ Весна
Свой лучезарный день рожденья.
И для торжественнаго дня
Прибралась скучная столица.
Лучъ животворнаго огня
Упалъ на пасмурныя лица.
Забрелъ въ подвальное окно
И озарилъ каморки-клѣти,
Откуда выползли давно,
На дворъ измученныя дѣти.
А вдоль стѣны больничной мрачной
Березокъ сонныхъ стройный рядъ
Въ свой цѣломудренно-прозрачный,
Одѣлся праздничный нарядъ
Забудьте все, чѣмъ жизнь грустна,
Ловите радости внушенья!
Сегодня празднуетъ Весна,
Свой лучезарный день рожденья.

ЛУНА.

Напрасно поэты луну
Прозвали ночной королевой...
Ее я вѣрнѣй назову
Банальною старою дѣвой.
И въ блескѣ веселаго дня
Луна показаться не хочетъ,
Какъ выйдетъ... при солнцѣ, земля
Надъ ветхой кокеткой хохочетъ.
Сидитъ въ золоченомъ дворцѣ
Луна и весь день не выходитъ;
Сидитъ и на дряхломъ лицѣ
Косметику важно наводитъ;
Брильянты надѣнетъ потомъ
И, облачной дымкой-тафтою
Окутавшись, горной тропою
Выходить во мракѣ ночномъ.
Гуляетъ и въ тихое море,
Какъ въ зеркало, смотреть она,
И въ этомъ кокетливомъ взорѣ
Порой меланхоля видна.
Съ прискорбьемъ луна замѣчаетъ,
Припомнивъ рядъ прошлыхъ побѣдъ,
Что сортъ кавалеровъ мельчаетъ
И рыцарей больше ужъ нѣтъ.

Мартъ, 1903 г.

ЛѢТНІЯ ГРОЗЫ.

И днемъ, и утромъ ходять грозы
Въ іюльской душной полумглѣ,
Струя лучистыя угрозы
Тревожно замершей землѣ.

Не слышно птичьяго напѣва,
Смолкають рощи и лѣса,
И тѣнь таинственнаго гнѣва
Обходить грозно небеса.

Могучій Богъ, подъемля тучи,
Намъ шлетъ небесный приговоръ
За нашъ безсовѣстный и жгучій,
За нашъ языческій позоръ.

И гуль громоваго раската
Приходитъ въ злые города,
Гдѣ алчно молится разврату
Пустая лживая толпа.

А ночью блѣдныя зарницы
Небесный бороздятъ просторъ,
Какъ чудно-призрачныя птицы,
Какъ смутной совѣсти укоръ.

Іюль, 1908 г.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ.

День сѣрый и тихій спустился
И замеръ надъ спящей землей,
И всюду, какъ волны, разлился
Торжественный зимній покой.
Въ лѣсу на далекой тропинкѣ
Стучить топоромъ дровосѣкъ,
И падаютъ тихо снѣжинки
На старый серебряный снѣгъ.
Направо въ лѣсу, на опушкѣ,
Зажегся мерцающій свѣтъ—
То въ дряхлой лѣсничей избушкѣ
Садятся за поздній обѣдъ.
Звучитъ отдаленное пѣнье
И медленно таетъ въ дали,
И вотъ уже синія тѣни
На старыя сосны легли.
И звѣзды зажглись понемногу,
Кончается трудъ деревень,
И медленно молится Богу
Усталый тускнѣющій день.
И кажется въ эти мгновенья
Безумною праздною игрой
Земной суеты тревоженъ,
Съ позорной его мишурой.

ВЪ МАЙСКУЮ НОЧЬ.

Стемнѣло. Такъ пахли жасмины...
Ласкаль поцѣлуй вѣтерка,
И въ сумракѣ горной лощины.
Безъ умолку пѣла рѣка.

А въ небѣ прозрачномъ и чистомъ
Всплывала луна изъ-за горъ,
Бросая на землю лучистый,
Серебряно-длинный узоръ.

И сердцу чудесныя сказки
Разсказывать стала весна;
И было такъ много въ нихъ ласки,
Такая была глубина!

И въ тихомъ величѣ природы,
Въ мерцаньяхъ вечерней мечты,
Мнѣ чудились дѣтскіе годы
И близость святой доброты.

Мнѣ въ душу вливалась, какъ волны,
Незлобной любви благодать;
Молился я, жалости полный,
За всѣхъ, кто такъ долженъ страдать.

За всѣхъ я молился, и ясно
Мнѣ было въ тотъ часъ дорогой,
Что люди всѣ равно несчастны,
Всѣ страдаютъ единой тоской.

Несчастны страдальцы святые
Въ когтяхъ ненасытной нужды.
Несчастны и изверги злые,
Страстей безпокойныхъ рабы.

А майская ночь голубая
Блуждала по царству весны,
На дремлющій міръ разсыпая
Душистые вешніе сны.

И вокругъ разцвѣтали жасмины
Ласкалъ поцѣлуй вѣтерка,
И въ сумракѣ горной лошины
Безъ умолку пѣла рѣка.

1908 г.

ОСЕННІЯ ДУМЫ.

Въ глуши пожелтѣвшаго парка
Шумить золотой листопадъ;
Такъ пышно, такъ ласково-ярко
Сіяетъ осенній закатъ.

Въ тиши упоительно-нѣжной
Готовится къ смерти земля,
И скоро покровъ бѣлоснѣжный
Падетъ на пустыя поля.

О если бы злая невзгода
И смуты кровавый развратъ
Слетѣли съ родного народа,
Какъ желтый сухой листопадъ,
И вслѣдъ за морозными снами
Прошло бы съ царицей-весной,
Съ ея молодыми цвѣтами,
Безумно желанное нами,
Страны обновленье родной!

Сентябрь, 1906 г.

ПАСХАЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Пускай бессмысленно-бездушно,
Трудясь безъ устали, безъ сна,
Кичится надъ толпой послушной
Незримо-вѣчный Сатана.

Пускай хулить онъ намъ святыни,
Зоветь на путь недобрыхъ дѣлъ,
Его кощунственной гордынѣ
Воздвигнуть роковой предѣлъ.

Въ давно смѣнившееся время
Небесный Святель прошелъ
Долиной жизни, бросилъ сѣмя
Добра на изсушенный доль.

И жадно внутрь въ себя вобрала,
Взлелѣяла и воспитала
Природа эти сѣмена.
Объ нихъ свое иступить жало
Неумолимый Сатана.

Вѣдь разъ понять мы сердцемъ можемъ
Различье межъ добромъ и зломъ,
Разъ душу совѣстью тревожимъ,—
Мы Змія побѣдимъ Крестомъ.

II.

Вокругъ убогаго, задумчиваго храма
Шель крестный ходъ подъ куполомъ небесъ.
Мерцали огоньки... хоругви плыли прямо...
И пѣль нестройный хоръ: Христось воскресъ!..
Къ словамъ ликующимъ прислушивался лѣсъ,
Надъ лѣсомъ утро разсвѣтало.
И чудилось, что гдѣ-то тамъ, вдали,
Блаженство снизошло съ небесъ и подступало
Къ источнику страданія земли.
И чудилось, что свыше Царь царей,
Всесильный, благостный Спаситель,
Благословиль эту обитель
Небесной милостью Своей.

КУМИРЪ.

Краснѣла надъ шумной столицей
Пунцовая лента зари.
Вдоль улицъ цвѣтной вереницей
На смѣну зажглись фонари.

* * *

Какъ въ стѣклахъ большой панорамы
Мелькали картины кругомъ.
Шли пестрыя бабочки—дамы
И людъ, изнуренный трудомъ.

* * *

Свѣтились зеркальныя окна,
Сновали ряды рысаковъ,
А мокраго снѣга волокна
Кружились, какъ рой мотыльковъ.

* * *

Смѣшались нужда и богатство,
Невинность и трудъ, и развратъ
Въ единое тѣсное братство,
Въ одинъ суетной маскарадъ.

* * *

Вдругъ съ башни сѣдой колокольной
Надъ моремъ толпы городской
Пронесся призывъ богомольный,
Пропитанный горькой тоской.

* * *

Но люди въ угарѣ безбожья
Забыли святого Отца;
Кружились толпой у подножья
Они золотого тельца.

Январь, 1906 г.

С О Н Ъ.

Мнѣ снилась ночь, мнѣ снилось море,
Мнѣ снились бѣлые цвѣты
И бѣлый домъ на косогорѣ...
Мнѣ снилась ночь... мнѣ снилась ты!

И въ бѣломъ саванѣ лучистомъ,
Съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ,
Съ сіяньемъ утра золотистымъ
Въ очахъ ты шла навстрѣчу мнѣ,

Ты шла, протягивая руки,
Съ привѣтомъ счастья молодымъ.
И вся тоска, вся боль разлуки—
Все вмигъ растаяло какъ дымъ...

То снилось мнѣ подъ шумъ мятели...
Ты крѣпко спишь въ землѣ сырой.
Цвѣты не разъ отцвѣсть успѣли
Надъ гробовой твоей доской...

* * *

Къ ней въ сердце любовь постучалась моя.
Но много соперниковъ есть у меня.
Красивая Дерзость съ павлинымъ хвостомъ.
И скучное Ханжество съ постнымъ лицомъ.
Безкровная Скромность, фамильная Честь
И хитрая, скользкая, сладкая Лесть.
А больше всѣхъ страшень мнѣ съ виду пустой,
Но очень тяжелый мѣшокъ золотой.
Съ нимъ трудно тягаться въ открытомъ бою.
И нечѣмъ пополнить мнѣ кассу мою.
Пусть днемъ эти гости собираются къ ней.
Я жду серебристыхъ вечернихъ огней;
Лишь ночь и усталость повыгонять всѣхъ,
И наглый за печкою спрячется грѣхъ.
Вотъ тутъ-то, наперсница, дѣйствуй, моя
И спой про меня ей звончѣй соловья.
Къ усталому сердцу тихонько прижмись,
Во всемъ, что ты знаешь, ему объяснись,
Пусть сердце наполнять напѣвы твои
Волшебною, тихою грезой любви,
Чтобъ страсти вечерней отрадную грусть
Припомнить средь бѣлаго дня наизусть.

ВЪ АПРѢЛѢ.

Угрюмые камни развалинь.
Семья монастырскихъ церквей,
Ползучія пятна проталинь
И пухлыя почки вѣтвей.

Погнувшійся крестъ за оградой.
Вѣнка прошлогодняго нѣтъ.
Надъ маленькой синей лампадой
Задумчивый женскій портретъ.

А въ воздухѣ пахнетъ весною,
Смѣется прозрачная даль.
И хочетъ проститься со мною
До осени злая печаль.

А солнышко гордо и смѣло
Плыветъ въ голубой вышинѣ
Да знай свое дѣлаетъ дѣло
Въ угоду Царевнѣ—Веснѣ.

Когда черезъ мѣсяцъ весенній
Я вновь въ эту рощу приду,
Давно уже будутъ сирени
На кладбищѣ старомъ въ цвѣту;

И шопоть застѣнчиво-милый
Чужого свиданья спугну
У бѣленькой женской могилы,
Предавшейся вѣчному сну.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Вамъ, тихія бѣлыя ночи,
Слагаю я пѣсню мою;
Вась съ дѣтства, какъ женскія очи,
Какъ женскую тайну люблю.

Вы длинную пеструю повѣсть
Въ душѣ моей смутной прочли.
Вы—чуткая вѣчная совѣсть.
Вы—голосъ великой земли.

И связанъ таинственно съ вами
Мой внутренній міръ дорогой,
Съ его неземными словами,
Съ его непонятной тоской.

Съ уходомъ житейскаго шума,
Въ прозрачно-святой тишинѣ,
Какъ чудная женская дума,
Вы входите тихо ко мнѣ.

Безсонной зари отраженье
Мерцаетъ на скользкомъ стеклѣ.
Мнѣ чудится смѣхъ и движенье,
И шопоть, и плачь въ полумглѣ.

Вамъ, тихія бѣлыя ночи,
Слагаю я пѣсню мою;
Вась съ дѣтства, какъ женскія очи,
Какъ женскую тайну люблю.

1906 г.

У Т Р О.

Надъ далью серебряно-синей
Туманъ поднимался ночной.
По лѣсу раскинулся иней,
Какъ чудный уборъ кружевной.
Убогія сельскія хаты
Мелькали, ползли по горамъ,
А возлѣ бѣлѣлъ небогатый,
Какъ будто согнувшійся храмъ.
И звѣзды блѣднѣли... съ безбрежныхъ
Небесъ удалялася мгла.
Надъ гранью полей бѣлоснѣжныхъ
Заря золотая взошла.
И было такъ тихо въ природѣ,
Какъ-будто молилась земля
О темномъ несчастномъ народѣ,
Засѣявшемъ эти поля.
А небо внимало той чистой,
Простой, задушевной мечтѣ,
И отблескъ зари золотистой
Дрожалъ на церковномъ крестѣ.

Февраль, 1906 г

Ц В Ъ Т Ы.

Подъ низкой крышею искусственной теплицы
Я видѣлъ зимніе роскошные цвѣты—
Рабы томящіеся жителей столицы,
Въ печаляхъ взросшіе подъ грохотъ суеты...

И въ душномъ сумракѣ глухой оранжереи
Какъ будто двигались и плакали они
Всѣ эти лотосы, камельи, орхидеи,
Созданья хрупкія тропической земли.

* * *

Подъ небомъ пасмурнымъ мятущейся столицы
Я видѣлъ дѣвушекъ прекрасныхъ, молодыхъ,
Красой нездѣшнею отмѣченныя лица
И взоры, полные видѣній неземныхъ.

Но въ свѣтскомъ холодѣ, въ невѣріи туманномъ
Въ немолчномъ грохотѣ безумной суеты,
Онѣ должны были погибнуть слишкомъ рано,
Какъ эти бѣдные тепличныя цвѣты.

Ноябрь, 1905 г.

* * *

Эта ночь, какъ сонъ поэта,
 Какъ молитва, хороша...
Блескомъ луннаго привѣта
 Наполняется душа...
Въ эту ночь ни смерть, ни горе,
 Ни заботы не страшны...
Словно ласковое море,
 Льются ласковые сны.
Въ эту ночь съ тобой, родная,
 Я хотѣлъ бы вмѣстѣ быть,
Первый вечеръ вспоминая—
 Остальное позабыть.

Юнь, 1908 г. _____

* * *

Колеблетъ вихрь ночной листву,
Качаетъ тополи густые;
На пожелтѣвшую траву
Спадають. листья золотые.
Усталъ мой садъ отъ майскимъ грезъ,
Отъ сновъ любви, отъ лѣтнихъ грозъ
И отъ томительнаго зноя,
Усталъ отъ нѣги и отъ слезъ
И жаждетъ мертваго покоя.

Декабрь, 1901 г. _____

ПЕРВАЯ МЕТЕЛЬ.

Съ бѣлымъ гомономъ, съ буйнымъ шопотомъ
Налетѣла вдругъ вьюга снѣжная,
Все наполнилось зимнимъ топотомъ,
Осень спряталась безнадежная.

И поеть-гудить мнѣ метелица:
„По судьбѣ своей брось печалиться:
„Обойдется все, перемелется,
„Грусть, какъ листь сухой, съ сердца свалится“...

Забѣлѣлась даль вся снѣжинками,
Словно бѣлыми хороводами,
Надъ оврагами, надъ тропинками,
Надъ полянами и надъ водами.

Саванъ бѣлый свой разстилай, зима!
Схорони подъ нимъ сны весенніе—
Все, чѣмъ зла была лѣтней ночи тьма,
Всю любовь мою и мученія...

Декабрь, 1908 г.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ.

Вечерній воздухъ, ясный, чистый...
Волна вечерней тишины
И блескъ лазурно-серебристый
Небесной странницы—луны.

* * *

Огни деревни отдаленной
И хрусть невидимыхъ саней...
Въ душѣ, мечтами озаренной,
Все тише, проще, все яснѣй.

* * *

Здѣсь оглянуться такъ отрадно
На весь крутой житейскій путь.
Вдали отъ злобы кровожадной
Здѣсь сердце хочетъ отдохнуть.

* * *

Такъ ясенъ зимній воздухъ чистый,
Такъ сладокъ шопоть тишины,
Такъ ласковъ—длинный, серебристый
И безмятежный взоръ луны.

Ноябрь, 1908 г.

СОЛНЦЕ.

Утро вспыхнуло нынче богатое:
Солнце въ гости къ намъ снова пришло
И, не дремя, съ зимою косматою
Бой, нещуточный бой завело.

* * *

Вспять уходитъ зима нелюдимая,
Истрепавшись въ неравной борьбѣ.
Здравствуй, солнышко, здравствуй, родимое.—
Какъ соскучились мы по тебѣ...

* * *

Эхъ, зима вышла нынче тяжелая
И для насъ и для бѣдной земли.
Солнце ясное, солнце веселое,
Нашу русскую боль исцѣли...

* * *

Въ ночи зимнія, въ ночи студеныя
Думы черныя думать пришлось,—
Въ тѣсныхъ избахъ въ тѣ ночи безсонныя
Столько слезъ, столько слезъ пролилось...

* * *

Нашихъ дѣтокъ ты, солнышко, видѣло
И ласкало по прошлой веснѣ—
Всѣхъ война ихъ сгубила, обидѣла,
Уложила въ чужой сторонѣ.

* * *

Солнце ясное, солнышко милое,
Дай намъ ведрышка, дай урожай,
Отгони лихолѣтье унылое,
Посѣтившее бѣдный нашъ край!

* * *

И больную слезу материнскую,
Слезы сиротъ и вдовъ осуши,
Помолись за тоску исполинскую
Оскорбленной народной души.

ВЪ ТИШИ ВЕЧЕРНЕЙ.

Сходились вечернія тѣни
Въ густомъ монастырскомъ саду,
Гдѣ вѣтви лиловой сирени,
И вишня, и яблонь въ цвѣту.

Гдѣ въ сумракѣ горной лощины
Скользятъ серебристый ручей,
И слышенъ напѣвъ соловьиный
Въ душистомъ молчаньи ночей.

Пышнѣе и ярче пожара
Горитъ за рѣкою закатъ.
Вотъ тихо влюбленная пара
Спустилась въ запущенный садъ.

И шла, то смѣясь, то краснѣя
Отъ робкихъ признаній въ любви,
По смолкшей дубовой аллеѣ
Вдоль старой дерновой скамьи.

Тамъ въ черномъ своемъ одѣянии
Склонился монахъ молодой,
Отдавшійся весь обаянью
Вечерней поры золотой.

И сжались отъ тайнаго страха
На мигъ молодые сердца
При взглядѣ на образъ монаха,
На каменный обликъ лица.

А онъ проводилъ въ отдаленъе
Ихъ пристальнымъ взоромъ своимъ,
И старыя чудныя тѣни,
Какъ сонъ пронеслись передъ нимъ...

И слышалъ онъ шопотъ ихъ длинный
И быстрый живой поцѣлуй
Сквозь громкій напѣвъ соловьиный,
Сквозь говоръ серебряныхъ струй.

И то, что въ душѣ проносилось,
Что вспыхнуло въ ней, какъ гроза,
То все обличая, скатилась
Противная злая слеза.

А рядомъ все громче, прелестнѣй
Въ сиреняхъ у самой скамьи
Лились соловьиныя пѣсни,
Волшебныя пѣсни любви...

Апрѣль, 1905 г.

СТАРИНА.

I.

Какъ памятникъ бѣлый могильный,
Надъ спящимъ замерзшимъ прудомъ
Покоится старецъ безсильный—
Дворянскій запущенный домъ.

Льетъ мѣсяцъ свое обаянье
Съ торжественныхъ зимнихъ небесъ...
Въ томъ домѣ (какъ молвить преданье)
Свершается много чудесъ.

Тамъ вдругъ освѣщается длинный
Двухсвѣтный заброшенный залъ,
Сквозь окна гремитъ именинный
Веселый помѣщичій балъ.

Вотъ бойко звучать клавикорды,
Вотъ слышится голосъ пѣвца,
И стараго вальса аккорды
Сбѣгаютъ въ аллеи съ крыльца.

И слышится въ бѣлой аллеѣ,
Какъ-будто той пѣснѣ въ отвѣтъ,
Какой-то невидимой феи
Таинственно-звонкій привѣтъ...

Вдругъ длительный свистъ паровоза
Зловѣще раздался вдали.
И скрылась пугливая греза
И въ окнахъ потухли огни.

II.

Какъ пологъ пурпурово-алый,
Раскинулся лѣтній закатъ,
Проснулся, отъ зноя усталый,
Душистый помѣщичій садъ.

Травую покрылись аллеи,
Растутъ въ безпорядкѣ цвѣты...
Лишь статуи кой-гдѣ бѣлѣютъ,
Какъ признакъ былой красоты.

Повсюду — печать запустѣнья...
Все въ темную ветхость пришло...
Вѣдь прошлое въ сумракъ забвенья
Богатство и жизнь унесло.

Вотъ въ креслѣ старушка сѣдая
Сидитъ на балконѣ одна,
Съ ней рядомъ болонка больная,
И обѣ онѣ — старина...

Чепецъ покосился старинный,
Старушка какъ-будто бы спить...
Лучъ солнечный, розовый, длинный
Болонку, чепецъ золотить.

И въ грезахъ вечерняго свѣта
Ей снится таинственный сонъ...
Протяжный мотивъ менуэта
Изъ оконъ скользить на балконъ.

Она молода и прекрасна,
Семнадцать ей минуло лѣтъ...
Ей шепчетъ любезности страстно
Высокій красавецъ-сосѣдь;

Противиться силъ нѣтъ... томленье...
Горить поцѣлуй на устахъ. .
А вокругъ соловьиное пѣнье
И садъ весь въ душистыхъ цвѣтахъ...

Июль, 1908 г.

ВЪ ДНИ МЕЖДУЦАРСТВІЯ.

Въ тиши монастырскихъ таинственныхъ стѣнъ
Стоить у окна патріархъ Гермогенъ,

Какъ призракъ, на лунномъ сіяньѣ;

И думаетъ старецъ: „Твой строгъ приговоръ,
„Владыка! Возможенъ ли худшій позоръ!?”

„Какое еще испытанье!?”

„Въ Москвѣ златоглавой, въ палатахъ, въ Кремлѣ
„Кутятъ и пируютъ на царскомъ столѣ

„Пришельцы, лукавые ляхи.

„Боярская дума измѣну ведетъ,

„За польскія деньги страну продаетъ.

„Измѣнница требуетъ плахи!

„Татары возстали—бушуетъ Казань;

„По селамъ собираютъ грабители дань.

„Безплодны былия побѣды.

„Повсюду—разбои, возстаніе, бунтъ.

„Смоленскъ осаждаютъ король Сигизмундъ,

„А съ сѣвера близятся шведы“.

Вдругъ шорохъ! То служба въ дверное окно

Съ поклономъ вручилъ патріарху письмо.

Писала рука Ляпунова:

— „Есть добрыя вѣсти—Коломна, Орель

„И Тула желаютъ стряхнуть произволь,

„Ярмо чужестранца лихого;

„Съ Поволжья отъ Нижняго движется рать.

„Онъ думаетъ къ марту сто тысячъ собрать.

„Блестять шишаки и шеломы,
„Колеблются копья, пищали трещать,
„И вѣют знамена, и пѣсни звучать,
„Какъ грозные вешніе громы“.—
И вспыхнулъ, какъ молнія, старческой взоръ.
Онъ вѣрить—свершится небесъ приговоръ;
Онъ вѣрить, что Русь возродится
И хищниковъ злыхъ, кровожадныхъ воронъ,
Слетѣвшихся стаями, выгонитъ вонъ.
Онъ вѣрить, что чудо свершится.
Онъ вѣрить, что лживый боярскій совѣтъ,
Гдѣ что ни бояринъ—то польскій клеветъ,
Изгонять народнымъ проклятьемъ;
Русь выберетъ русскаго мужа въ цари.
И молится старецъ до самой зари,
Склонясь передъ Божимъ Распятъемъ...
А въ царскихъ палатахъ всю ночь напролетъ
Веселье у гетмана шумно идетъ.
Бояре пируютъ на славу.
И дѣлятъ Россію за бражнымъ столомъ,
Клянутся, что вѣрою, правдой, добромъ
Послужать царю Владиславу.

Іюнь, 1907 г.

* * *

Ушли... но кровавое пламя
Взвивалось во мракѣ ночномъ,
Какъ яркое красное знамя,
Надъ старымъ дворянскимъ гнѣздомъ.

И съ трескомъ валились колонны
Въ бушующій злобный огонь —
Попадали Вакхъ, Аполлоны
И Нимфы, и мраморный конь...

И съ грохотомъ рухнули стѣны,
Шипя, на раскиданный полъ.
Пусть гибнуть въ огнѣ гобелены,
Да здравствуетъ Царь-Произволъ!

Окутанный саваномъ снѣжнымъ,
Печаленъ былъ паркъ вѣковой;
Безчинствамъ и крикамъ мятежнымъ
Внималъ онъ съ тяжелой тоской.

Лишь вѣтви чуть слышно шумѣли,
Качая свой снѣжный уборъ,
А звѣзды безстрастно глядѣли
На снѣжный, холодный просторъ.

Октябрь, 1905 г.

З В Ъ З Д Ы.

Вотъ съ неба, какъ греза святая,
По тихой таинственной мглѣ
Спадаетъ звѣзда золотая
Къ холодной и темной землѣ.

А вотъ и другая... ихъ много!
То—души изъ царства мечты
Прносятся волею Бога
Въ безрадостный миръ суеты.

И тамъ во дворцахъ и палатахъ
Родятся для жизни дѣтьми,
Дѣтьми бѣдняковъ и богатыхъ
И стануть большими людьми.

И будутъ другъ другу не вѣрить,
Томиться въ безумной враждѣ,
Обманывать, лгать, лицемерить
Въ духовной своей слѣпотѣ.

И все позабудутъ, что знали,
Когда по таинственной мглѣ
Съ прекраснаго неба слетали
Къ холодной и темной землѣ.

Юнь, 1906 г.

НАКАНУНЪ ВЕСНЫ

Съ каждымъ днемъ съ лазури синей
Солнце грѣтъ горячѣй,
Таетъ снѣгъ, и сходитъ иней
Подъ огнемъ его лучей.

* * *

Ночью грустно плачетъ вьюга,
Смерть предчувствуетъ она.
Приходи, моя подруга,
Златокудрая весна!

* * *

Съ каждымъ днемъ твой праздникъ ближе
Съ каждымъ днемъ душа бодрѣй,
Не замедли... приходи же,
Съ юнымъ смѣхомъ поскорѣй.

Май, 1904 г.

МОНАСТЫРСКИЙ ВЕЧЕРЪ.

Плыветъ изъ сумрачныхъ церквей монастыря
Вечерній благовѣсть, какъ волны, величавый.
Темнѣютъ древнія зеленяя дубравы...
Горить за озеромъ румяная заря...

Въ аллеяхъ стараго запущеннаго сада
Цвѣтеть черемуха... и, прячась межъ вѣтвей,
Поетъ украдкою залетный соловей...
И льется на душу вечерняя прохлада.

Изъ храма чистые несутся голоса,
Звучать торжественно молитвенныя рѣчи...
И будто слушаютъ молитву небеса,
А звѣзды теплятся, какъ ангельскія свѣчи.

Направь ладью сюда измученный пловецъ
Людского, шумнаго, обманчиваго моря!
Здѣсь—пристань тихая для страждущихъ сердець,
Здѣсь отдохнешь отъ слезъ и горя!

Августъ, 1908 г.

НА БЕРЕГУ.

Съ горы увидѣвъ море,
Обнявъ его просторъ
Поймешь, что наше горе,
Ей-богу,—сущій вздоръ.

Всѣ молятся надеждѣ—
Рѣшаютъ тьму задачъ—
А въ жизни все какъ прежде—
Такой же гамъ и плачь.

Всѣ лгутъ другъ другу съ дѣтства,
Природѣ вопреки,
Повсюду ищутъ средства,
Забываются отъ тоски.

Политика, искусство,
Любовь, развратъ, вино—
Лишь притупить бы чувство—
А чѣмъ—не все-ль равно?!

Нельзя ли быть попроще,
Поближе поискать?!—
Въ лѣсу, у моря, въ рошѣ—
Веселья—благодать!

Но въ это средство люди
Не вѣрятъ искони;
Подвержены простудѣ
На воздухѣ они.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Даль объята серебряной дымкой,
Блещут звѣзды, крѣпчаетъ морозъ,
Въ эту ночь по землѣ невидимкой
Незамѣтно проходитъ Христось.

Онъ обходитъ дворцы и палаты,
Гдѣ господствуютъ роскошь и лѣнь.
Онъ обходитъ убогія хаты
Позабытыхъ глухихъ деревень.

Онъ заноситъ небесныя грезы
Въ истомленныя злыя сердца,
И текутъ серебристыя слезы
По ланитамъ святаго лица.

И на полѣ безмысленной битвы,
Братской битвы въ стезѣ городской,
Онъ страдаетъ и шепчетъ молитвы
И рыдаетъ съ великой тоской.

Онъ рыдаетъ, склонясь на колѣни,
И съ небесъ голубая звѣзда
Опускается медленно къ тѣни
Мірового страдальца Христа.

Декабрь, 1904 г.

НАДЪ НѢМАНОМЪ.

Надъ гордымъ Нѣманомъ небесные огни
Затеплены незримою рукою;
Трепещуть въ сумеркахъ мечтательныхъ они,
Отражены безсонною рѣкою!
А на плотяхъ струится дымъ съ костровъ,
И пѣсня грустнаго литовца улетаетъ
За грань возвышенныхъ цвѣтущихъ береговъ,
Съ которыхъ лѣсъ къ водѣ сползаетъ.
Костель на островѣ, охваченномъ рѣкой,
Сіяетъ издали, какъ ангелъ бѣлоснѣжный.
Міръ такъ далекъ,—миръ шумный, городской,
Міръ, полный суеты мятежной!
Глядишь и думаешь,—природа такъ проста,
Природа такъ прекрасна и богата,
Такъ безыскусственна, такъ свята,—
Къ чему же эта вся мірская суета,
Къ чему идти намъ брать на брата?
А шопоть волнъ ночныхъ и тихій шумъ дубравъ
Мнѣ вторять:—„Да, къ чему? Ты—правъ!“

Юнь, 1906 г.

ВЪ ПОЛЬШѢ.

Озерный — край! Повсюду воды!
Вкругъ водъ—дремучіе лѣса,
Здѣсь нѣдра матери-природы
 Благословили небеса.
Вотъ—островъ... скромная капелла,
У перепутья двухъ аллея
Студеный ключъ воркуетъ смѣло
Въ объятыхъ ласковыхъ вѣтвей,
Играетъ вѣтеръ въ тростникѣ.
Въ капеллѣ—служба! Льется пѣнье
На странномъ чуждомъ языкѣ,
Но я внемлю ему въ волненьи.
Вѣдь Богъ одинъ—какъ жизнь одна!
Гляжу я съ вѣрой и отрадой
На крестъ со статушкой Христа
 Съ неугасимую лампадой.

* * *

Изъ темнаго лѣса ея привезли,
Въ нарядъ расписной облачили
И яркія свѣчи на вѣткахъ зажгли,
И блестками вѣтки покрыли.
Верхушку пронзили сусальной звѣздой;
И въ ясномъ рождественскомъ свѣтѣ
Вкругъ елки носились веселой гурьбой
Нарядныя шумныя дѣти.
Но елка склоняла верхушку свою,
Она не могла веселиться.
Предъ смертію хотѣлось въ родную семью
Бѣглянкѣ лѣсной возвратиться;
Ей грезился милый задумчивый лѣсъ,
Закутанный въ иней пушистый,
И купольъ рождественскихъ свѣлыхъ небесъ,
Какъ море глубокой и чистой.
Тамъ блещетъ сегодня святая звѣзда,
Ведущая къ Богу народы,
И въ зимнемъ безмолвіи славить Христа
Великое царство природы.

* * *

Богъ всесильный, всепобѣдный,
Богъ прощенья, Богъ любви,
Міръ нашъ темный, міръ нашъ бѣдный
Въ эту ночь благослови!

Боже вѣчный, Боже правый,—
Лучъ надежды подари!
Міръ нашъ грѣшный, міръ лукавый
Свѣтомъ правды озари!

Темно въ жизни... мракъ могильный...
Путь нашъ—въ камняхъ и въ крови...
Богъ предвѣчный, Богъ всесильный,
Богъ прощенья, Богъ любви!
Міръ нашъ темный, духъ безсильный,
Въ эту ночь благослови!

Декабрь, 1906 г.

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ.

Я въ осени спокойствіе люблю,
Мнѣ хорошо въ пустыхъ аллеяхъ сада—
Пройти, присѣсть на старую скамью
И слушать грустную молитву листопада...

Какъ чудно солнышко въ небесной синевѣ
Горить улыбкою прощальной,
Трещать кузнечики въ желтѣющей травѣ.
Но смерть близка, и рѣютъ въ головѣ
Предчувствія толпой печальной.

Все также мраморный, коварный купидонъ
Склонился надъ упавшей урной;
Колчанъ въ одной рукѣ, трубитъ другою онъ,
Пронзивъ сердца стрѣлой амурной.

Но жгучія свиданья майскихъ дней
Съ уходомъ лѣта догорѣли.
Какъ павшіе листы—въ душѣ моей
Мечты живыя пожелтѣли.

Прощай, любовь! Прости, любовь моя!
А кто-то ласково мнѣ шепчетъ: „До свиданья...
„Съ волною перваго весенняго ручья
„Къ тебѣ вернусь и примешь ты меня
„На счастье новое и новое страданье“.

Сентябрь, 1908 г.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА.

I.

Если въ этотъ день на время
Вспомнить кто-либо изъ васъ
Про Младенца въ Виѳлеемѣ
Чудно-радостный разсказъ;
Если сердце въ немъ забьется,
Точно птица за окномъ,
Будто струнъ его коснется
Ангель ласковымъ крыломъ;
Если вдругъ, какъ запахъ сада,
Какъ дыханье вѣтерка,
Къ сердцу кроткая отрада
Долетитъ издалека,
И въ душѣ свѣтло и жутко,
Словно кто-то ходитъ тамъ:
Это самъ Христось-малютка
Постучался въ сердце къ намъ

II.

Родясь для скорби безотвѣтной
На землю, въ дѣтскіе года
Мы въ чистомъ сердцѣ незамѣтно

Скрываемъ мальчика-Христа.
И оттого на бѣломъ свѣтѣ
Въ безумствахъ злобной суеты
Одни лишь маленькія дѣти
Любвеобильны и чисты—
Но грѣхъ людьми овладѣваетъ,
Тревожитъ душу суета...
И каждый въ сердцѣ распинаетъ
Многострадальнаго Христа.
Но если послѣ жизни грѣшной
Тотъ человѣкъ вернется вновь
Отъ тьмы невѣрія кромѣшной
Къ тебѣ, небесная любовь...
И ложь души своей оплачетъ,
Войдетъ въ обитель божьихъ грезъ,
Тогда въ тоскливомъ сердцѣ, значить,
Воскресъ замученный Христосъ.

Декабрь, 1906 г.

САМОУБИЙЦА.

Каморка подь самою крышей
Съ коротенькимъ узкимъ окномъ,
Не грѣющей печкой и нишей
И низкимъ смѣшнымъ потолкомъ...

* * *

Диванъ съ заскочившей пружиной,
Таинственный красный сундукъ,
И роскоши признакъ единый—
Студенческой ветхій сюртукъ...

* * *

Пронзительный хохоть метели...
И шорохъ мышиный въ углу;
Свѣча на столъ у постели
И трупъ молодой на полу...

* * *

Револьверъ... раскрытыя очи...
Запекшійся крови струя...
За окнами вѣтренной ночи
Пронзительный смѣхъ и возня...

* * *

Свѣча, колыхаясь, несмѣло
Бросаетъ трепещущій свѣтъ
На стѣны, на мертвое тѣло,
На маленькій женскій портретъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЕЛКА.

Въ пышноцвѣтномъ нарядѣ стояла она
Въ барской залѣ на яркомъ паркетѣ,
Какъ невѣста на свадебный пиръ убрана,
И вокругъ ея прыгали дѣти.

И старушку больную на креслахъ ввезли
Поглядѣть на веселіе внуковъ.
Всѣ подарки показывать ей понесли,—
Боже, сколько тутъ блеска и звуковъ!

Этотъ латы надѣлъ, тотъ гремитъ въ барабанъ,
Внучки куклы несутъ заводныя.
У старушки въ глазахъ съ непривычки—туманъ,
Плохо слушаютъ уши больныя.

И на елку задумчиво смотреть она,
Ей припомнились старые годы,
Утомленной души золотая весна;
Были люди другіе и моды.

Ей припомнились тѣ беззаботные дни,
Когда утромъ, на ципочкахъ, въ шелку,
Шли подглядывать съ братомъ покойнымъ они
На чудесную, пышную елку.

Вотъ послѣдняя елка! И хочется ей,
Чтобъ ея погребальныя дроги
Шли по мягкому шороху этихъ вѣтвей
Вдоль послѣдней, послѣдней дороги...

И ей чудится елки чуть слышный отвѣтъ:
„Я тебя провожу до могилы!“
И такъ сладокъ старушкѣ рождественскій свѣтъ,
Безконечно-уютный и милый...

Январь, 1909 г.

ГРЕЗА.

Подъ грустныя пѣсни метели,
Мнѣ вспомнились майскіе дни,
Когда такъ чарующе пѣли
Въ зеленомъ саду соловьи.

* * *

И садъ весь осыпанный цвѣтомъ,
Обрызганный майскимъ дождемъ,
Шептался со мною — поэтомъ
О счастьѣ своемъ молодомъ.

* * *

И какъ я завидоваль страстно,
Душистымъ влюбленнымъ цвѣтамъ,
И какъ я стремился напрасно—
Любить и любимымъ быть самъ.

* * *

И жадно, прильнувъ къ изголовью,
Молиль эту майскую ночь,
Зажечь мое сердце любовью,
Тоскѣ одинокой помочь.

* * *

И такъ было небо прозрачно,
И дальнія звѣзды чисты,
И хоромъ веснѣ новобрачной,
Свой гимнъ распѣвали цвѣты.

* * *

Хотѣлось бы мнѣ на мгновенье,
Сейчасъ этотъ вечеръ вернуть,
Съ тобою тамъ быть, и въ томленьи
Склониться на милую грудь.

* * *

Глядѣль бы въ глаза дорогіе
И мнѣ-бъ отражали они—
И ночь, и мечты молодья,
И звѣздъ серебристыхъ огни.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Тебѣ изъ дальняго разросшагося сада
Я шлю свой ласковый молитвенный привѣтъ,
Печальной юности единая отрада...

Томить и грезить лунный свѣтъ.
Подъ пышно-лиственной желтѣющею аркой
Онъ будто движется, онъ дышетъ, онъ живетъ;
Горить такъ ярко, страшно ярко...

Онъ слился съ тайною задумчиваго парка
И все подъ власть свою беретъ...
Прильнулъ онъ съ ласкою, какъ смерть непобѣдимой,
Къ моей наперсницѣ-мечтательной тоскѣ...

Есть домикъ въ улицѣ подъ вечеръ нелюдимой
Въ далекомъ скучномъ городкѣ...

Къ крылечку ветхому склониться на ступени
Хотѣлъ бы я невидимо сейчасъ,
Тамъ ночью движутся смѣющіяся тѣни,

Любвнный слышится таинственный разсказъ...
Такъ шорохъ трепетный во мракѣ раздается
Какъ будто маятника стукъ.

То сердце, мое сердце бьется

Къ тебѣ любовью, милый другъ...
Тамъ наши образы въ дни счастья молодого.
Мерцаютъ въ вѣчности святой отражены...

Я пережить хотѣлъ бы сердцемъ снова
Любовь весны...

ВЪ ГОРОДЪ НА РАЗСВѢТѢ.

Утро... оттепель... желтѣеть
Снѣгъ... и въ воздухѣ больномъ
Брызжетъ мелкій дождь, и вѣетъ
Лихорадочнымъ тепломъ...

* * *

Тамъ за гóродомъ далеко
Встало зарево зари...
Кой-гдѣ робко одиноко
Догараютъ фонари...

* * *

Въ окнахъ тружениковъ тоже
Брежутъ тусклые огни...
Время денегъ имъ дороже
Рано день начнутъ они...

* * *

И протяжно заунывный
Словно голосъ духовъ злыхъ
Вьется-плачетъ свистъ призывный
Черныхъ фабрикъ городскихъ...

* * *

И, раскрывъ какъ пасть дракона,
Ворота свои, заводъ
Поглощаетъ истомленный,
Блѣдный, пасмурный народъ.

* * *

Полумгла... и лучъ разсвѣта...
Мелкій дождь... послѣдній сонъ;
Тамъ въ далекой церкви гдѣ-то
Колокольный мѣрный звонъ.

* * *

И съ толпой людей печальныхъ
Пробирается туда
Рядъ процессій погребальныхъ
Павшихъ воиновъ труда.

* * *

А за гранями разсвѣта,
Гдѣ, такъ чудно даль свѣтла
Столько блеска, столько свѣта,
И свободы и тепла.

* * *

И мечта манить и тянетъ
Такъ безумно въ тотъ просторъ,
Гдѣ края небесъ румянить,
Золотой денницы взоръ.

1900 г.

О Н Ъ.

Разъ почью позднюю, когда въ пространствѣ было
Все такъ таинственно, такъ мрачно, такъ темно,
Когда весь міръ казался мнѣ могилой—
Я растворилъ окно.

* * *

Какъ туча черная нависла надъ землю
Ночная грозная нѣмая темнота.
И небо взорами окинувши съ тоскою,
Я увидалъ Христа...

* * *

Онъ блѣднымъ призракомъ стоялъ надъ облаками,
Тяжелый крестъ въ рукахъ Его блестѣлъ,
И чудно кроткими и грустными очами
На городъ онъ глядѣлъ...

* * *

И въ тѣхъ очей печальномъ выраженьи
Въ Его тоскѣ безбрежно неземной—
Прочелъ я городу и людямъ осужденье,
Имъ приговоръ святой.

* * *

И сжалась грудь мучительнымъ страданьемъ,
И я въ слезахъ Спасителя молилъ,
Что-бъ снялъ Онъ съ насъ всю тяжесть наказанья,
Чтобы Онъ насъ простилъ.

* * *

И клялся я оставить все земное
Оставить пошлую земную суету
И сѣять въ мірѣ лишь одно святое,
Лишь слѣдовать Христу...

* * *

И ночь прошла... и день проснулся шумно,
Вновь поднялась эта земная суета.
И ей послѣдуя съ покорностью безумной,
Я... вновь забылъ Христа.

А Л Ь Б О М Ъ .

Мой садъ опустѣлый угрюмо шумить,
И просится вѣтеръ въ окно.
Задумчиво маятникъ сонный стучить;
Въ саду и на сердцѣ—темно.

* * *

Раскрылъ я старинный завѣтный альбомъ.
Онъ юными лицами полнъ.
Давно разнесло ихъ во мракъ земномъ
Порывами жизненныхъ волнъ.

* * *

Увидимся-ль снова когда-нибудь мы?
И слышу я грустное—„нѣтъ!“
То вѣтеръ осенній изъ бури и тьмы
Мнѣ шлетъ одинокій отвѣтъ.

НА ЗАРЪ.

Прощай дорогая столица!
Душа отдохнетъ отъ страстей.
Гляжу я съ волненъемъ на лица
Веселыхъ крестьянскихъ дѣтей.
Я слушаю ихъ разговоры,
Ихъ шутки, ихъ смѣхъ молодой,
Любуюсь на ясные взоры
И грѣюсь завѣтной мечтой.
Я вѣрю, что юное племя
Великой крестьянской земли
Увидитъ хорошее время,
Грядущее къ намъ издали.
Я вѣрю, что всѣ эти дѣти
Страдальцевъ народной тюрьмы
Порвутъ перегнившія сѣти
Холопства, невѣжества, тьмы.
Свободы заря золотая
Въ багровыхъ взошла облакахъ,
Торжественный день выжидая
И вспыхнула въ дѣтскихъ очахъ.

ЛЕДОХОДЪ.

Рѣка въ ледяныя оковы
Закована долго была;
Подъ снѣжною ношей суровой
Въ ней всякая жизнь замерла.

Но вотъ изъ далекаго края
Примчался къ ней голосъ весны,
На бой противъ зла призывая
Уснувшую силу волны.

При звукахъ живого призыва
Боясь отдаленныхъ угрозъ,
Вновь цѣпи куетъ торопливо
Беззубый тюремщикъ—Морозъ.

Но цѣпь ослабѣлая рвется;
Трещитъ расколовшійся ледъ;
Съ ликующимъ гуломъ несется
По бурнымъ волнамъ ледоходъ

Идетъ онъ, какъ рать, сокрушая
Препятствія всѣ на пути;
Съ великой мечтой поспѣшая
Въ широкое море уйти.

Въ широкое море свободы
Откроетъ свободный онъ входъ.
Да здравствуютъ первыя воды!
Да здравствуетъ нашъ ледоходъ!

ВЪ СЕНТЯБРЬ.

Въ аллеяхъ стараго запущеннаго парка
Осенній лучъ скользитъ, холодный и неяркой;
На вѣткахъ поздніе колышутся листы,
И смотреть пасмурно на землю съ высоты
Нѣмая мраморная Парка.

Сверкаетъ золотомъ сентябрьскій листопадъ:
Червонцы, яхонты и пышные рубины
Обвили Осени причудливый нарядъ;
И гроздья спѣлыя погнувшейся рябины
На солнцѣ каплями кровавыми горять.

Ахъ, осень, милая Бальзаковская дама,
Какъ ты нарядишься роскошно и пестро;
А старость близится настойчиво, упрямо,
И будешь ты должна нарядъ червонный прямо
Перемѣнить на серебро...

У МОРЯ.

Отъ моря житейскаго бурнаго, темнаго,
Какъ мачеха злого, какъ тать вѣроломнаго,
Я къ морю сегодня пришелъ настоящему,
Великому, синему, тихо шумящему
Въ вечерней святой тишинѣ.
И грустно, и радостно мнѣ...

Цѣлуются съ желтой косою прибрежною
Лѣнивые волны съ молитвою нѣжною.
Закатъ протянулся каймой золотистою,
Изъ сада нагорнаго струйкой душистою
Пробрался цвѣтовъ аромать.
А волны такъ тихо журчатъ...

Вечернія звѣзды, какъ очи чудесные,
Всплываютъ на синіе своды небесные,
Таинственно молятся волны зеленые,
Улыбкою алой зари окаймленные.
Блеснулъ на утесахъ маякъ.
Ползеть усыпляющій мракъ...

И все, что осталось отъ дѣтства прекраснаго,
Какъ вѣчное небо простого и яснаго,
Какъ это великое море широкаго
Отраднаго, чистаго, чудно-глубокаго,
Всѣ лучшія струны души
Звучать въ этой дивной тиши.

ДИТЯ ЛЮБВИ.

Вдоль желтой, ельникомъ усыпанной дороги,
Подъ шелестъ ласковый весенняго дождя
Везли на кладбище торжественные дроги
Въ роскошномъ гробикѣ любимое дитя.

Дрожали юныя задумчивыя розы,
Едва успѣвшія разцвѣсть, чтобы увясть.
Отецъ-старикъ шель, сдерживая слезы.
Въ глубокомъ траурѣ шла плачущая мать.

Шли мимо древняго, запущеннаго парка.
Вотъ прудъ и мраморный крылатый купидонъ:
Вдругъ солнце вспыхнуло на мигъ изъ тучи ярко,
И матери раздался скорбный стонъ.

„Два года минуло съ тѣхъ поръ—какъ ночь одна!
Въ аллею темную на грѣшныя свиданья
Ходила съ трепетомъ невѣрная жена,
И слышала паркъ безумныя признанья“.
...Старинной повѣсти о дняхъ очарованья
Послѣдняя страница дочтена.

Дитя любви, прощай!.. на кладбищѣ сирени
Цвѣтутъ уже давно... а ночью соловьи
Поютъ о радости сердечныхъ увлеченій
И будятъ блѣдные, заплаканные тѣни...
Прощай, дитя любви!

ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Съ неба лунный свѣтъ струится,
Какъ серебряный потокъ.
Спозаранку спать ложится
Тихій милый городокъ.

Только кое-гдѣ сквозь ставни
Брезжить скромный огонекъ.
Только я, пришлецъ недавній,
Успокоиться не могъ.

Вдоль по улицѣ безлюдной
Вотъ ужъ цѣлый часъ брожу
И какой-то признакъ чудный
Въ ней съ улыбкой нахожу.

Точно я уже когда-то
Здѣсь бывалъ, подолгу жилъ,
Послѣ зимняго заката
Домикъ чей-то сторожилъ.

А потомъ, какъ воръ, украдкой
Возлѣ стараго плетня
Такъ мучительно, такъ сладко
Цѣловался съ кѣмъ-то я.

И звучаль въ тиши морозной
Женскій смѣхъ и женскій шагъ.
Быль и мужъ сѣдой и грозный,
Молодежи лютый врагъ.

Было все... клялись какъ дѣти...
Быль разрывъ... была тоска;
А потомъ, какъ все на свѣтѣ,
Смыла времени рѣка.

Отвѣчай же домикъ бѣлый —
Было-ли все это такъ?
Домъ молчить обледенѣлый
Только слышенъ лай собакъ.

И все ярче, шире льется
Лунный блещущій потокъ.
Долго-долго не проснется
Безмятежный городокъ.

МЕЧТАТЕЛЬ.

О чемъ-то шепчутся нарядныя сирени,
Кому-то молится задумчивая даль.
И бродятъ подъ окномъ мечтательныя тѣни:
Любовь и молодость, молитва и печаль.
Къ тебѣ съ отрадою я вышелъ на свиданье,
Сѣдого Сѣвера таинственная дочь,
Я вновь принесъ тебѣ души моей страданье,
Святая, блѣдная, задумчивая ночь.
Люблю съ какою-то болѣзненною страстью
Прозрачный обликъ твой и длинный умный взоръ
И предпочелъ тебя земному счастью
Я съ давнихъ поръ.
Люблю я странныя загадочныя очи
И блѣдность тонкаго прозрачнаго лица;
И тихую любовью бѣлой ночи
Я счастливъ, счастливъ безъ конца.
Въ тѣни сиреневой молитвенно-душистой
Я радъ бесѣдовать съ тобою до утра,
Покуда не блеснетъ на зелени росистой
Восхода майскаго волшебная игра.
Съ тобою выплакавъ мучительныя слезы,
Я къ утру оживаю вновь.
Я вѣчный рабъ твоей прекрасной грезы...
Ты въ сердцѣ царствуешь, какъ старая любовь.

1909 г.

ОТЧАЯНІЕ.

Въ глубокую таинственную тьму
Уходитъ лѣстница минувшихъ поколѣній,
И кровью облиты не нужной никому
Ея холодныя ступени...

Звучить вопросъ въ душѣ, гнетущій какъ рыданье,—
Зачѣмъ проліта эта кровь?
Къ чему ты, проповѣдь великаго страданья,
Ты, Иисусова Любовь?

Вѣдь Ты воскресъ?! Сойди же къ намъ во тьму,
Въ темницу жизни лицемѣрной.
Коснуться ранъ Твоихъ перстами на-яву
Я жажду, какъ Ома невѣрный.

1907 г.

В А М П И Р Ъ.

Надъ пѣльцами дремлетъ Старуха-Тоска
Въ баронскихъ высокихъ покаяхъ.
Зеленый таинственный свѣтъ ночника
Играетъ на темныхъ обояхъ.

Безногій баронъ пять страдальческихъ лѣтъ
Спасенья отъ мукъ не находитъ.
Разслабленный, злобный, худой какъ скелеть
Онъ Смерть призываетъ, но Смерти все нѣтъ,
Смерть замокъ упрямо обходить...

Вздремнулъ отъ усталости маленькій врачъ;
Барону отъ болей не спится,
Безсильный подавленный старческій плачь
Навстрѣчу мятели струится...

А въ дальнихъ покаяхъ красотка-жена
На пышной фамильной постели
Раскинулась въ грезахъ безумнаго сна
Подъ дьявольскій хохоть мятели.

Ей душно и страшно... восторгъ и тоска,
Мучительный гнетъ сновидѣній...
Чу! Въ спальнѣ по краснымъ лучамъ ночника
Шевелятся странныя тѣни.

Подъ гордымъ алькѣвомъ съ баронскимъ гербомъ,
Запрятавшись въ складкахъ завѣсы,

Уродецъ-вампиръ съ безобразнымъ лицомъ
Сидить на груди баронессы.

Откуда онъ взялся, проклятый вампиръ?
Сквозь стѣну проникнувши смѣло,
Справляетъ онъ страшный свой лакомый пиръ,
Вонзившись въ прекрасное тѣло.

Когтями впился въ бѣлоснѣжную грудь,
Пьетъ кровь и смакуетъ губами...
Красавицѣ душно... нѣтъ силы вздохнуть,
Жжетъ сердце безумное пламя...

Уродецъ въ восторгѣ... на мигъ отдохнетъ,
Киваетъ и тихо смѣется,
А послѣ опять свое дѣло начнетъ,
И кровь въ его губы польется...

И слышится женскій томительный стонъ
Въ прерывисто-жгучемъ дыханьи.
Съ тоскою глядитъ изъ угла Купидонъ
На свѣтлой любви поруганье...

Ночникъ озаряетъ альковъ и постель
И страшную казнь баронессы,
За окнами дико хохочетъ мятель
Какъ-будто бы пьяные бѣсы.

1909 г.

ФЕЯ МОРОЗА.

Лѣсъ замеръ во снѣ безмятежномъ.
Съ великаго неба луна
На ровной землѣ бѣлоснѣжной
Рисуетъ свои письма.

Снѣгъ ярокъ и чистъ какъ бумага.
Морозная жгучая ночь.
Въ лѣсу заблудился бродяга,
Присѣлъ, а подняться не въ мочь.

Вдругъ смѣхъ, серебристый, манящій,
Лукавый и ласковый смѣхъ,
Промчался изъ зѣмершей чаши
Безумный и сладкій, какъ грѣхъ.

Красавица вышла изъ лѣса,
Съ улыбкой глядитъ на луну,
Идетъ и, какъ въ сказкѣ принцесса,
Склоняется гордо къ нему.

Нарядъ ея тонокъ, какъ иней,
Въ камняхъ самоцвѣтныхъ коса,
И блескъ упоительно-синій
Струять неземные глаза.

„Не бойся! я—зимняя греза —
„Серебряной ночи туманъ —

„Я дочь чародѣя мороза—
Отець мой—лихой атамань.

Онъ прячется лѣтомъ въ берлогѣ;
Зимою—раздолье ему;
Попробуй-ка съ нимъ на дорогѣ
Связаться—не сдасть никому.

Останься, мы здѣсь попируемъ
Не любя-ль моя красота?
О дай мнѣ согрѣть поцѣлуемъ
Мои ледяныя уста...

Какъ сказочный принцъ онъ проводитъ
Съ принцессой послѣднюю ночь,
И съ устъ помертвѣлыхъ не сходитъ
Улыбка блаженная прочь...

1909 г.

ВЪ ЗИМНЮЮ ДАЛЬ.

Скрипъ полозьевъ... шорохъ снѣга...
Смѣхъ бубенчиковъ живой,
Лунной ночи блескъ и нѣга,
Столбъ мелькнувшій верстовой...

Ночь полна любви и ласки,
Ночь, какъ счастье хороша,
И въ объятя лунной сказки
Мчится вольная душа.

Лѣсъ горитъ волшебнымъ блескомъ,
Онъ въ нарядѣ кружевномъ.
Дѣдъ-Морозъ съ сердитымъ трескомъ
Ходитъ въ холодѣ ночномъ.

Тройка мчится словно птица,
Духъ сжимается въ груди,
Не тужи, душа-дѣвица!
Будь, что будетъ впереди.

Эта ночь сегодня наша,
Нынче сердце торжествуй,
Ты мнѣ всѣхъ на свѣтѣ краше,
Обойми и поцѣлуй!

Пей любовь, покуда пьется!
Не гони любовный хмѣль!
Вотъ навстрѣчу намъ несется
Съ визгомъ пьяная мятель.

Сердце бьется словно птенчикъ
Въ клѣткѣ душевой золотой.
Какъ серебряный бубенчикъ,
Смѣхъ катится молодой.

Всѣ сомнѣнья, всѣ печали,
Словно снѣгомъ занесло,
Только-бъ кони не устали,
Только-бъ солнце не взошло!

1909 г.

•

НА УЛИЦЪ.

Плетутся траурныя дроги.
Бредеть старушка позади,
Городовой отмѣнно строгій
Кричитъ возницѣ: погоди!

И въ стеклахъ свадебной кареты
Мелькнули банты, тюль, цвѣты,
Богато, пышно разодѣтой
Невѣсты блѣдныя черты.

Быть можетъ, на алтарь вѣнчальный
Вступая въ этотъ часъ святой,
Она любви первоначальной,
Хоронитъ образъ молодой
Затѣмъ, что цвѣтъ мечты печальной
Въ ней гордо смялъ телецъ златой.

Любовь и деньги... смѣхъ и слезы
Въ сплетеньяхъ жизненной стези,
Вотъ лепестокъ душистой розы,
Алѣетъ въ уличной грязи.

Хмѣльные буйные проклятья,
Развратъ, богатство, нищета—
И тутъ же на углу распяты
И очи грустные Христа.

* * *

Въ тѣни монастырскаго сада
Душистой черемухи цвѣтъ
Шепталъ утомленному сердцу
Чарующій вешній привѣтъ.

Березки, надѣвшія новый
Прелестный, прозрачный нарядъ,
Глядѣли въ церковныя окна
На чудный пасхальный обрядъ.

Вкругъ церкви по спящей аллеѣ
Съ хоругвями тихо мы шли
И бережно—кроткія свѣчи,
Зажженныя свѣчи несли.

Въ саду было смутно и чудно.
Подъ ласковой дымкой весны
Съ цвѣтами въ листьвѣ изумрудной
Шептались весенніе сны.

Сіяли прекрасныя звѣзды...
Была ли то только мечта?—
— Мелькнулъ мнѣ во мракѣ аллеи
Задумчивый обликъ Христа.

И слышалъ я сердцемъ, что всѣ мы
Шептали молитву одну,
Молились Великому Богу
За нашу родную страну.

НЕДОЛГОВѢЧНОСТЬ.

Ночь упоительно тиха и ароматна,
Луна разсыпала алмазы по землѣ,
Какой-то шопоть чудный и невнятный
Звучить въ душистой полумглѣ.

То соловьиная-ль вдали несутся трели,
Иль это листья только прошумѣли,
Иль это шепчутся цвѣты,
Иль это съ неба ангелы слетѣли
И принесли свои мечты?!

Вотъ въ листьяхъ статуя бѣлѣетъ... Изваянье
Вѣками цѣлыми, быть можетъ, здѣсь стоитъ
И смотреть внизъ въ безмолвномъ обаяннѣ
И думы странныя, нездѣшнее мечтанье
Въ ея чертахъ классическихъ скользить.

И слышалъ я, какъ статуя спросила
У ночи:—прошлою весной
Здѣсь двухъ встрѣчать влюбленныхъ я любила,
Внимать бесѣдѣ ихъ наивно-молодой...

Скажи мнѣ: гдѣ они? Она была прекрасна
Какъ роза юная, какъ первая весна,
И взоръ былъ ласковый и радостный и ясный,
И вся она была любви полна.

Онъ тоже молодъ былъ и, чудными мечтами,
Какъ звѣзды яркими, свѣтился взоръ его,
Они ходили здѣсь, и пышными кудрями
Она къ нему склонялась на плечо.

Они не знали жизненной невзгоды,
Не знали горести и пошлости земной,
Они лишь жили святостью природы,
Обласканы красавицей весной.—

Во мракѣ листья глухо прошуршали.
То вѣтеръ статуи прекрасной отвѣчалъ:—
Я видѣлъ ихъ и не узналъ,
И сердце сжалось отъ печали.

Въ угрюмомъ городѣ я видѣлъ нынче ихъ
Въ толпѣ людей безчувственныхъ и злыхъ,
Въ холодномъ царствѣ темныхъ зданій
И стали жертвами страстей они земныхъ,
Земныхъ обмановъ и страданій.

Надежды свѣтлыя и чудный мѣръ любви,
И старыя мечты оставили они,
Сперва другъ друга обманули,
Потомъ молиться идоламъ пошли
И духъ отъ правды оттолкнули.

И жизнь примкнула ихъ къ той прозѣ навсегда
Нерасторжимыми цѣпями...

Имъ не уйти оттуда никогда,
Убьетъ сомнѣнье ихъ, раздавить ихъ нужда
И зло опутаетъ страстями:

И слезы грязными ихъ стали... Чистый смѣхъ
Сталъ тоже смѣхомъ грязнымъ, какъ у всѣхъ,
На вѣкъ ихъ души омрачились,
И вмѣсто свѣта—сумерки и грѣхъ
Въ сердцахъ погибшихъ воцарились... —

И вѣтеръ стихъ, умолкъ и отлетѣлъ.
Безмолвно статуя стояла.
Подкрался ближе я и подглядѣлъ,
Какъ статуя во тьмѣ рыдала.

Петергофъ, 1901 г.

СОЛНЦЕ И ЛУНА.

Богъ солнца путемъ утомленный
Подъ вечеръ не прочь отдохнуть...
Склонился онъ яркой короной
На милую дѣвичью грудь,

На грудь обольстительной дѣвы,
Прекрасной царевны морской;
Такъ къ сердцу своей королевы
Склоняется пажъ молодой.

Смѣняя усталого брата,
Выходить на небо Сестра.
Нарядъ подвѣчный богатый
Свѣтлѣй и бѣлѣй серебра.

А шлейфъ ея длинной вѣнчальной,
Какъ облако пышной парчи
По водной равнинѣ зеркальной
Скользить и горить, какъ лучи...

Погибъ ея другъ лучезарный
Въ невѣдомомъ чуждомъ краю
Съ судьбою, какъ буря коварной,
Въ неравномъ жестокомъ бою.

Ей завидно, грустно, обидно
Затѣмъ, что не жить ему вновь,
Затѣмъ, что ей съ неба все видно,
Какъ царствуетъ ночью любовь.

Вотъ въ морѣ зажглись въ отдаленьи
На черныхъ судахъ огоньки...
Доносится по морю пѣнье —
Молитва любви и тоски.

И тянется къ ней на свиданье,
Къ той пѣснѣ на страстный привѣтъ,
Трепещущій въ скорбномъ скитаньи
Свѣтъ лунный, серебряный свѣтъ.

ЛЕГЕНДА.

I.

Надъ озеромъ—въ замкѣ высокомъ
Жилъ старый надменный магнатъ;
Онъ—быль, осчастливленный рокомъ,
На чудной красоткѣ женатъ.
Свирѣпый охотникъ и воинъ,
Поклонникъ собакъ и войны,
Онъ не былъ, конечно, достоенъ
Любви своей милой жены.
Въ каморкѣ садовника тѣсной
Жилъ шляхтичъ—скрипачъ молодой;
Игралъ онъ на скрипкѣ чудесно
Въ вечерней тиши золотой.
Не разъ его звали въ Варшаву
Въ оркестрѣ придворномъ играть,
Сулили богатство и славу,
Но онъ не хотѣлъ уѣзжать.
Онъ радъ былъ хотя-бъ на мгновенье
Графиню увидѣть въ саду,
Любимыхъ очей озаренье
Тревожно поймать на лету.
Въ туманной игрѣ сновидѣнья
И въ долгія ночи безъ сна
Подъ жгучую пѣснь вдохновенья
Ему появлялась она...

II.

Былъ вечеръ волшебный весенній.
Въ саду разцвѣтала сирень...
Склонялись лиловыя тѣни
На бѣлый безоблачный день;
Струилась ночная прохлада
Съ зеленыхъ рѣчныхъ береговъ,
И въ сумеркахъ древняго сада
Росли ароматы цвѣтовъ.
А въ барскомъ таинственномъ домѣ,
Въ окнѣ надъ высокимъ крыльцомъ,
Сидѣла въ вечерней истомѣ
Графиня съ печальнымъ лицомъ,
Не скоро вернется съ охоты
Супругъ, одинока—она,
Огня материнской заботы
И встрѣчной любви лишена.
А майская ночь голубая
Тревожить на сердцѣ мечты,
Въ зеленомъ саду пробуждая
Къ любви молодые цвѣты.
Луна поднялась и улыбкой
Отвѣтила вздохомъ души.
Вотъ гдѣ-то старинная скрипка
Запѣла въ вечерней тиши.
И рѣяли длинные звуки
Какъ лунный чарующій свѣтъ;

Была это пѣсня разлуки,
Блаженства прощальный привѣтъ.
И въ сумракъ умолкшаго парка
Графиня послушать сошла;
Такъ страшно-произительно-ярко
Сіяла надъ міромъ луна..
И словно огонь навожденья,
Какъ чары, какъ власть сатаны —
Лилась эта пѣснь упоенья
Безумно—пѣвучіе сны.
А женское сердце твердило—
О комъ эта пѣсня была,
Кого эта пѣсня любила
И въ лунное царство звала.
И въ яркое море привѣта
Сливались и пѣсня безъ словъ
И таинство луннаго свѣта,
И сладостный запахъ цвѣтовъ..
Вотъ замерли звуки... и мимо
Скрипачъ возвращался домой;
Увидѣлъ онъ образъ любимый
Въ саду у ограды глухой.
И встрѣтились жадные взоры,
И то, что сказали они—
— Признанья и рѣчи, и споры
Не скажутъ за долгіе дни...
Очнулась она и поспѣшно
Спѣшитъ по аллеямъ домой

Отъ пѣсни чарующе-грѣшной
Къ прибѣжищу Дѣвы Святой;
А вслѣдъ за ней гонятся звуки,
Цѣлуютъ ее горячо,
Какъ милыя теплыя руки
Ласкаютъ и держать ее.
Безумныя шепчутъ признанья
И льнутъ къ распаленнымъ устамъ,
Какъ льнутъ мотыльки въ обаянѣ
Къ весеннимъ душистымъ цвѣтамъ.
И въ маленькой тихой каплицѣ,
Склонясь подъ распятымъ Христомъ,
Она начинаетъ молиться
О мирѣ душевномъ святомъ.
Уныло мерцаетъ лампада
Надъ Богомъ, распятымъ въ крови,
А въ окна изъ томнаго сада
Доносится пѣсня любви.
Врывается въ сумерки вѣры
Въ пріютъ ея грустно-святой
Чарующій голосъ Венеры,
Богини любви молодой.

III.

Въ костелѣ, цвѣтами обвита,
Покоилась въ гробѣ она.
Ночь... окна ширѣко раскрыты...

Монахъ задремалъ... тишина...
Онъ входитъ... онъ робко, несмѣло
Приблизился къ гробу... глядитъ
На тихое мертвое тѣло:
Графиня какъ-будто бы спитъ
Сверкаетъ на ней ожерелье,
Жемчужная нить обвилась:
Какъ-будто на пиръ, на веселье
Отсюда она собралась.
Спитъ крѣпко монахъ посѣдѣлый...
Скрипачъ наклонился надъ ней,
Коснулся руки ея бѣлой
И шелковыхъ милыхъ кудрей.
И въ скорби томительно-страстной,
Отдавшись безумнымъ мечтамъ,
Прижался мечтатель несчастный
Къ холоднымъ пунцовымъ устамъ.
Вдругъ вздрогнуло метрвое тѣло,
Слегка шелохнулись уста,
Какъ-будто подняться хотѣла
Графиня... но встать не могла...
Онъ вѣрить въ могущество грезы —
— Графиня проснется сейчасъ!
Онъ вѣрить... и плачетъ, и слезы
Спадаютъ на бѣлый атласъ.
Но милое сердце не бьется,
Ни тѣни дыханія нѣтъ!

.

А въ окна раскрытыя лется
Волшебный серебряный свѣтъ.
И дальній напѣвъ соловьиный
Доносится также въ окно;
Цвѣтутъ у костела жасмины,
Ихъ запахъ пьянить, какъ вино.

IV.

Но, грустью и страстью волнуемъ,
Страдая отъ боли и слезъ,
Скрипачъ роковымъ поцѣлуемъ
Возлюбленной горе принесъ.
Огнемъ своихъ ласкъ и признаній
Зажегъ въ ея мертвой крови
Безумную жажду лобзаній,
Безсмертную жажду любви.
И всякій кто вѣритъ въ преданье,
Кто хочетъ ее увидать—
Къ ней долженъ придти на свиданье,
Сидѣть у фонтана и ждать...
И въ полночь въ развалинахъ, прямо
Въ окнѣ, надъ заросшимъ крыльцомъ
Является бѣлая дама
Съ прекраснымъ и грустнымъ лицомъ.
Сверкаетъ надъ ней ожерелье,
И розами грудь убрана,
Какъ-будто на балъ, на веселье

Готовится ѣхать она.
„Ко мнѣ на ночное свиданье
Пришелъ ты... приблизься ко мнѣ,
Утѣшь мое злое страданье
Въ прекрасной ночной тишинѣ.
„Повѣрь мнѣ мечты молодая,
Люби, какъ ты можешь любить!
Я всѣ тревоженья земныя
Заставлю тебя позабыть“.
И чудной головкой на плечи
Склоняется тихо она;
Онъ слышетъ любовныя рѣчи
Какъ-будто бы въ сумеркахъ сна.
Онъ чувствуетъ жгучія ласки,
Блаженство и сладкій испугъ,
Огнемъ восхитительной сказки
Весь міръ загорается вдругъ
Волшебно чарующей грезы,
Всю жизнь убиваетъ на мигъ...
И падаютъ женскія слезы,
И жалобный слышится крикъ.
Онъ вырваться, вырваться хочетъ—
— Такъ боль нестерпимо сильна,
Нѣтъ силъ! Ему губы щекочетъ
Кудрей золотистыхъ волна.
Очнется... и видитъ, что грезы
И призрачной женщины—нѣтъ.
Какъ скучная проповѣдь прозы

Надъ рощами брезжить разсвѣтъ.
Какъ ядъ, безотраднo-смертельный
Слеза его эта сожжетъ,
Скитаться онъ будетъ безцѣльно,
Но мира нигдѣ не найдетъ;
Онъ будетъ ее ненавидѣть
И вмѣстѣ съ тѣмъ страстно искать
На мигъ лишь единый увидѣть,
Чтобъ снова ее цѣловать.

НОЧНЫЕ ГОЛОСА.

За окнами плачетъ и бьется мятель.
Пронзителенъ голосъ мятели.
Въ каморкѣ уютной висить колыбель,
И дремлетъ дитя въ колыбели.

Лампадка трепещетъ, мерцаетъ въ углу
Предъ образомъ Дѣвы Маріи.
Какъ-будто съ улыбкой въ полночную мглу
Глядятъ эти очи святые.

Тотъ взоръ разгорается чудно-свѣтло,
Твердитъ онъ великое слово свое
Младенцу, что спитъ въ колыбели,
Но точно на зло заглушаетъ его
Пронзительный голосъ мятели.

„Спи тихо, мой мальчикъ,—твой жизненный путь
Весь будетъ усыпанъ цвѣтами;
Будь честнымъ и добрымъ, и набожнымъ будь,
О слабыхъ, о сирыхъ, больныхъ не забудь,
Смягчи свое сердце мечтами.“

Мятель заглушаетъ тотъ шопотъ дразня:
„Порвется въ немъ сердце на части;
Онъ въ жизни обманется съ перваго дня;
Навѣкъ овладѣютъ имъ страсти“

„Спи тихо, мой мальчикъ,—не вѣрь: они лгутъ,
Безумные призраки ада.
Ты честно и вѣрно исполни свой трудъ,
Покой тебѣ будетъ — награда“.

Все громче и громче звучить за стѣной
Пронзительный голосъ мятели:
„Онъ встрѣтится съ страшной юдолью земной,
Едва лишь сойдетъ съ колыбели.

„Убьетъ его свѣжесть и силы она,
Задушить въ желѣзныхъ объятяхъ.
Очнется онъ сразу отъ дѣтскаго сна,
Обманется въ людяхъ-собратьяхъ“.

Сильнѣй разгорается брезжущій свѣтъ,
И слышится шопотъ сильнѣе:
„Худыхъ на землѣ не бывало и нѣтъ
Со смерти Христа-Назоря;

„Есть много несчастныхъ; ты ихъ пожалѣй,
Житейскому чуждый злословью“.
Взоръ Матери Божьей горитъ все свѣтлѣй
И чудною дышетъ любовью.

А вьюга смѣется: „увидишь, дитя:
— Всѣ люди, какъ звѣрь кровожадный,
Подымутся сразу толпой на тебя
И мучить начнутъ беспощадно.

Насмѣшливый хохоть земной суеты
Убьетъ твои чистыя грезы;
Надъ прахомъ безвиннымъ послѣдней мечты
Прольешь ты послѣднія слезы“.

„Не слушай, мой мальчикъ... а если тебѣ
Порою подъ часъ и взгруснется,
Приди потихоньку поплакать ко мнѣ:
Вся грусть у меня остается;

„Помолимся вмѣстѣ—молитву Мою
Услышать небесныя силы:
Я бодрость, покой и смиренье волюю
Въ твой духъ наболѣвшій, унылый“.

И съ визгомъ уносится въ черную мглу
Пронзительный голосъ мятели...
Вновь тихо... лампадка мерцаетъ въ углу,
И дремлетъ дитя въ колыбели.

1902 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Лѣсныя слезы	3
„День гаснетъ...“	4
Сонъ въ бѣлую ночь	5
Боярышня	7
Пѣсня	12
Сумерки	14
Серебряная ночь	15
Аргонавты	16
„На сельскомъ кладбищѣ бродилъ я...“	18
На улицѣ	19
Бѣлая ночь	20
Два утра	21
„Смеркалось...“	22
Лѣтній полдень	23
„Съ высокихъ, рощею обвитыхъ береговъ...“	24
Листопадъ	25
Весна	26
Луна	27
Лѣтнія грозы	28
Зимній день	29
Въ майскую ночь	30

	стр.
Осеннія думы	32
Пасхальныя пѣсни	33
Кумиръ	35
Сонъ	36
„Къ ней въ сердце любовь...“	37
Въ апрѣлѣ	38
Бѣлыя ночи	39
Утро	40
Цвѣты	41
„Эта ночь, какъ сонъ поэта...“	42
„Колелетъ вихрь ночной листву...“	42
Первая метель	43
Зимній вечеръ	44
Солнце	45
Въ тиши вечерней	47
Старина	49
Въ дни междуцарствія	52
„Ушли... но кровавое пламя...“	54
Звѣзды	55
Наканунъ весны	56
Монастырскій вечеръ	57
На берегу	58
Рождественская ночь	59
Надъ Нѣманомъ	60
Въ Польшѣ	61
„Изъ темнаго лѣса ее привезли...“	62
„Богъ всесильный...“	63
Желтые листья	64

	СТР.
Въ день Рождества	65
Самоубійца	67
Послѣдняя елка	68
Греза	69
Лунный свѣтъ	71
Въ городѣ на разсвѣтѣ	72
Онъ	74
Альбомъ	75
На зарѣ	76
Ледоходъ	77
Въ сентябрѣ	78
У моря	79
Дитя любви	80
Въ провинціи	81
Мечтатель	83
Отчаяніе	84
Вампиръ	85
Фея мороза	87
Въ зимнюю даль	89
На улицѣ	91
Недолговѣчность	93
Солнце и луна	96
Легенда	98
Ночные голоса	106
